

ДИАСПОРЫ В АРХИТЕКТОНИКЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

© 2018 г. Б. Рашковский, Е. Рашковский

*РАШКОВСКИЙ Борис Евгеньевич, кандидат исторических наук,
ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, РФ, 109189 Москва, ул. Николаямская, 1 (borisevg@gmail.com).*

*РАШКОВСКИЙ Евгений Борисович, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (eug.rashkov@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 03.05.2018.

Разрастание и территориальные экспансии массовых диаспор — одна из характерных черт глобальных процессов сегодняшнего дня. Миллионы людей волей или неволей — вследствие войн, голодовок, экологических бедствий, этнорелигиозных конфликтов, экономических трудностей, засилья местных диктаторских режимов — вынуждены покидать места прежнего проживания и искать благоприятных условий на чужбине. Процессами массовой диаспоризации перекраивается, переиначивается вся структура глобальной истории: мир относительно обособленных цивилизаций уходит в прошлое; ставятся под вопрос старые европейские понятия о толерантности и гражданском обществе; клановые структуры из прежнего Третьего мира в массовом порядке “экспортируются” в страны Запада и Славянского ареала, провоцируя тем самым новые вызовы криминализации, ксенофобии и правого популизма. Один из важнейших императивов выживания сегодняшнего диаспорного мира — поиски новых форм мышления, культуры, гражданственности и политических решений.

Ключевые слова: диаспоры, глобализация, история, ретроспектива истории, идентичность, толерантность, гражданское общество, ксенофобия, популизм, выживание.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-108-115

Постараемся не загружать читателя этой теоретической статьи излишними статистическими данными, касающимися современности. Прежде всего потому, что сами эти данные меняются день ото дня, да к тому же и критерии их сбора и оформления различными институциями, агентствами и исследователями редко совпадают между собой. Достаточно будет сказать, что диаспорное существование, — когда формы былой идентичности, сложившейся в ареалах компактного проживания рассеиваемых историей народов, отчасти продолжают бытовать в качественно новых экологических и социокультурных условиях, — непосредственно распространяется на сотни миллионов человеческих жизней. А если иметь в виду, что диаспорные массивы и группы находятся в интенсивных контактах (враждебных, дружественных, нейтральных) с окружающим их населением, то, следовательно, проблематика современных диаспор, связанная с войнами, гонениями или просто поисками лучшей жизни, так или иначе касается всех¹. О чем и предупреждал Арнольд Джозеф Тойнби, прогностическая ценность трудов которого была

¹ По самым приблизительным подсчетам, всего лишь полдесятилетия назад одни лишь недавние мигранты составляли около 3% населения земного шара [1]. Однако если экстраполировать нынешнюю ситуацию на будущее (особенно если учесть катаклизмы в Ближневосточном регионе, отчасти и в Тропической Африке, в Центральной и Южной Азии), то эта доля будет лишь неуклонно возрастать.

признана давным-давно, еще в начале 60-х годов прошлого века. Как он полагал, диаспорный модус человеческого существования (не диаспоры-гетто, но диаспоры соседства, этнической чересполосицы и взаимного проникновения) должен стать одной из определяющих черт будущего мира [2].

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ПРОШЛОЕ

Однако прежде чем перейти к проблеме места и роли диаспор в подвижной и драматической архитектонике сегодняшнего мира, попытаемся вникнуть в самое занимающее нас понятие, в его историю и смысл. Само слово “диаспора” обозначает относительно обособленную, “рассеянную” (греч. *diasporá* — рассеяние) жизнь тех или иных этнокультурно-религиозных массивов в среде иных, компактно проживающих народов. Первоначально диаспорой греки называли цепочки своих полисов за пределами Эллады, Эгейских островов, Малой Азии и Великой Греции (то есть Южной Италии) по берегам Средиземного, Мраморного и Черного морей. Однако это наименование оказалось позднее почти забытым. В эллинистический период диаспорой стали называть рассеяние еврейского народа во владениях наследников Александра Македонского, в Римской и Персидской империях. Диаспорам евреев, сирийцев и греков в период поздней Античности Европа во многом оказалась обязанной

становлением своей последующей христианской культуры. Позднее это наименование (диаспора), некогда связанное с историческими судьбами еврейского народа², приняло универсальный характер: оно было отнесено к грекам, армянам, итальянцам, цыганам, полякам, позднее — к китайцам и арабам³. А уж после Октябрьской революции речь пошла и о многомиллионной русской диаспоре...

Но что важно для современного общенаучного и политического мышления: сегодняшнее состояние проблемы диаспор заставляет нас не только с тревогой размышлять о близких и дальних перспективах нашей глобальной истории, но и отчасти меняет наш взгляд на всю ее ретроспективу, то есть на исторические предпосылки глобальных проблем нынешнего дня.

Действительно, традиционные общества были во многих отношениях обществами, как правило, локальными, стремившимися не только к внешней («имперской» или колониальной) экспансии, но и в значительной мере — к внутренней автаркии и гомогенности. Обществами, объективно тяготевшими к замкнутости во времени и пространстве. Что, разумеется, было их несбыточным идеалом, но идеалом, поныне бередящим воображение разного рода ксенофобских, почвеннических, да отчасти и социалистических утопий [3].

Однако история традиционных обществ едва ли строго укладывается в подобного рода циклическую модель: зарождение — экспансия — надлом (*break-down*) — упадок — коллапс. И все же эта картина относительно консолидированных и циклически вытесняющих одна другую локальных цивилизаций выглядела относительно устойчивой и привычной.

Но так или иначе, войны, завоевания, потребности в торговом обмене, культурные влияния, а также практиковавшиеся властителями традиционных эпох насильственные перемещения тех или иных групп населения издревле способствовали развитию диаспорных коллективов и повышению их роли в традиционных обществах. Этими коллективами держались системы и институты экономического и культурного обмена; через эти коллективы транслировались от цивилизации к цивилизации элементы художественного опыта и религиозно-философские идеи и смыслы; ими же — не в последнюю очередь — держалось и столь важное для стремившихся к автаркии локальных обществ биогенетическое взаимодействие между

несхожими человеческими массивами. Современные исследования истории диаспор по всем пространствам традиционных “ойкумен” Восточного полушария говорят о функциональной важности “посреднических меньшинств (*middlemen minorities*)” в истории этих пространств [4].

Аграрный, автаркический характер традиционных социумов почти всегда обрекал диаспорные “посреднические” группы на маргинальный статус, хотя эти общества и нуждались в купцах, караванщиках, корабельниках, мастерах тонких ремесел, навигаторах, корабелях, переводчиках. Господствующие же общества вынуждены были обречь себя на циклическую динамику, на ностальгические мечтания об “очищении” и “возвращении к себе”. Те же самые мечтания о гомогенном обществе и в последующие времена подпитывали тоталитарные утопии и страсти.

Развитие и экспансия европейского капитализма на протяжении XVI — начала XX столетия знаменовали собой как бы “взлом” традиционной картины и традиционной архитектоники мира. Они знаменовали также становление той “всесторонней связи и всесторонней зависимости наций друг от друга”, о которой еще в середине позапрошлого столетия писали Маркс и Энгельс в своем “Манифесте...” [5, с. 428]. Эпоха “взлома” традиционных форм общежития, отмеченная колониальным переделом мира, двумя мировыми войнами, крушением старых и новых европейских колониальных империй, привела к фундаментальным сдвигам. С одной стороны — к увеличению удельного веса и роли диаспорных массивов в мировой экономике и политике. С другой — к обрушившимся на эти массивы жесточайшим “этническим чисткам”. Это и армянские и ассирийские резни в Османской империи, кровавые греко-турецкие взаимные “этнические чистки” в Эгейском бассейне, Холокост, расправы японских милитаристов не только с населением Континентального Китая, но и с китайскими меньшинствами Юго-Восточной Азии. Это и “спецпереселения” неугодных властям народов на просторах Советского Союза, последствия которых до сих пор омрачают существование постсоветской России.

Все эти катаклизмы прошлого столетия изменили не только социально-экономический, культурный и геостратегический облик мира, но и саму архитектуру глобального общежития, вызвав к жизни процессы многомиллионной диаспоризации и возрастания роли диаспорных массивов в непривычном и динамическом комплексе глобальных отношений.

ДИАСПОРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕЖИТИИ

Вновь вспомним о наследии Арнольда Дж. Тойнби.

² В еврейском обиходе общеевропейское понятие диаспоры отождествляется с ивритским понятием “галут” (изгнание).

³ Взаимоотношения коренного населения Европы (и прежде всего Франции) с арабской диаспорой — один из ключевых моментов сегодняшней истории. Только следует при этом помнить, что спрос французского общества на арабскую рабочую силу обнаружился еще более столетия назад — в Первую мировую войну.

Еще в 60-е годы прошлого века он предупреждал, что в стремительно меняющемся мире, в условиях “упразднения расстояний” и нарастания тенденций унификации не столько даже культур, сколько технологии и всего хода повседневной жизни, диаспорная проблематика будет касаться судеб не только отдельных народов и религий: она будет непосредственно касаться всех [6].

Прогноз британского ученого и мыслителя оправдался всем ходом последующей истории. Однако темпы, размах и глубина этого процесса глобальной диаспоризации оказались воистину непредсказуемыми. И на некоторых фактах и чертах этого процесса нам придется — хотя бы и в самой краткой форме — остановиться особо.

Наиболее наглядны *участившиеся в сегодняшнем мире массовые и зачастую стремительные добровольные, а чаще — вынужденные переселения и депортации или же преднамеренные вытеснения*⁴. Массовые исходы населения затрагивают огромные пространства Афро-Азиатских регионов, отчасти — страны Латинской Америки, в особенности — страны с диктаторскими режимами. Многомиллионные потоки вынужденных переселенцев, как правило, всеми правдами и неправдами пробиваются в относительно благополучные страны Западной (а подчас и Центральной) Европы и Северной Америки⁵. Многочисленные факты исламского прозелитизма среди европейской молодежи и смешанные межконфессиональные браки делают картину “восточного присутствия” в странах Запада, посткоммунистической Европы еще более убедительной. А несхожесть культур народов “северных” ареалов и новоприбывших мигрантских масс, “когнитивный диссонанс” между носителями этих культур образуют одно из самых драматичных слагаемых нашей сегодняшней, текущей истории и политики. Проявления этого драматизма — воинствующий прозелитизм, иммигрантские гетто, криминализация, терроризм, осквернение церквей, поклонных крестов, синагог и кладбищ, взаимное ожесточение в повседневных отношениях людей разных этносов и конфессий.

Феномен эмиграции/иммиграции — почти всегда феномен болезненный, связанный с существенными сдвигами в человеческой идентичности, в живом опыте человеческой повседневности,

⁴ Новейшие примеры — вытеснение коренного христианского населения из арабских стран Ближневосточного региона или же мусульман-рохинджа из северо-западной Мьянмы.

⁵ За 2011 — начало 2018 г. Сирию покинули свыше 5 млн человек, из них свыше полумиллиона оказались только в одной Германии [7]. По данным московского Института Ближнего Востока, в настоящее время в Европе проживают свыше 7 млн арабов, около 6 млн турок, 3 млн пакистанцев. Но к ним еще добавляются выходцы из Тропической Африки, Афганистана, Бангладеш, из мусульманских общин Индии и Юго-Восточной Азии [8].

в самих психологических и смысловых основах человеческой экзистенции.

Разумеется, значительная часть общественности Запада (церкви, государственные институты, гуманитарные, либеральные и социал-либеральные организации) многое делают для приема, размещения и житейского обустройства миллионов новоприбывших людей [9].

Папа Римский Франциск I в Послании на Всемирный день мира 1 января 2018 г. определил “четыре указателя действия” для принимающих стран и народов:

- принимать,
- защищать,
- поддерживать,
- интегрировать [10].

К сожалению, в Апостольском послании обойден один всех и вся волнующий вопрос — вопрос о необходимости для новоприбывших уважать и пытаться понимать культуру принимающих народов и великодушие множества жителей принимающих стран. Тем паче, что неуважение и пренебрежение к этой культуре (особенно характерное для мигрантов из арабо-исламского ареала⁶) провоцирует среди народов Запада “накат” правопопулистских настроений и страстей.

Но об этом речь пойдет ниже.

Техноэкономические предпосылки современных массовых миграций и массовых исходов из депрессивных или разоренных зон земного шара — одна из наиболее тем в сегодняшней глобалистике, экономической и общественной науках. Обратная сторона техноэкономического рывка, связанная с превращением научно-технической мысли в важнейшую из производительных сил сегодняшнего общества, несет в себе множество тяжких человеческих последствий. То, что в идеале призвано служить облегчению жизни и труда, во многих отношениях приводит к вытеснению из общественного производства и, стало быть, к люмпенизации и духовной деградации многомиллионных человеческих масс. Само состояние ненужности обрекает людей на вольные и невольные фрустрации, на внутреннюю опустошенность и, следовательно, на сугубо люмпенскую податливость на разного рода манипуляции. И это обстоятельство касается не только центров технологического развития, но также и технологических и культурных периферий сегодняшнего мира [12]. Тем не менее страны высоко-развитых научных знаний и технологий нуждаются

⁶ Иллюстрация. Парижские студенты из семей мигрантов, зачастую обучающиеся на льготных условиях, открыто выступают под хулиганскими лозунгами «Смерть белым!», «Fuck white people!», «Мочи полицию!» и т.п. [11].

в массах работников неквалифицированного или малоквалифицированного труда (сферы обслуживания и коммунального хозяйства, строительство, розничная торговля, складские работы, сезонные работы в сельском хозяйстве, уход за больными и престарелыми и т.д.). Как правило, коренные жители этих стран исполнять такого рода изнурительные работы не согласны: выгоднее жить на казенные пособия... И тогда возникает огромный спрос на малоквалифицированный труд мигрантов⁷. Сформировался потворствуемый государственным аппаратом бизнес по нелегальной или полунелегальной доставке людей в технологические и культурные метрополии. Тысячи людей, бегущих от войн, репрессий, безысходной нищеты, гибнут в морских водах, замерзают, задыхаются в автофургонах, голодают, страдают от антисанитарии в импровизированных иммигрантских лагерях. Отдельные государства и международные организации принимают решения о помощи мигрантам, о капиталовложениях в депрессивные или опустошаемые регионы Земли, — но сегодня совладать с этими процессами человеческих исходов едва ли возможно.

Болезненные и весьма стремительные этнодемографические сдвиги глобального порядка затрагивают в полной мере и нашу собственную страну с ее процессами разбухания мегаполисов (вместе с их окрестностями) и депопуляции провинций⁸.

Вообще, изучение российской истории истекшего столетия дает немалый и поучительный материал для осмысления диаспорной проблематики сегодняшнего мира.

“НА ДВА ДОМА”

Многие миллионы русских, а точнее — многоэтнических российских людей еще со времен Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войны оказались вытесненными или насильственно выброшенными за пределы нынешней Российской Федерации и даже почившего в бозе СССР. Высылки, бегства, невозвращения, депортации, добровольные отъезды постоянно сопровождали историю страны. Непоправимым ущербом для этнодемографической, гражданской и культурной истории России и сопредельных ей республик обернулись события Второй мировой войны (гибель и пленение миллионов советских солдат, гитлеровские зверства в отношении мирного насе-

ления, угон советских граждан на принудительные работы в Германию и оккупированные ею страны, обусловленные войной бедствия народа в наших тылах). Последние десятилетия ознаменовались добровольным исходом из России значительной части ее специалистов и образованной молодежи⁹. Миллионы россиян, проживавших на территориях союзных республик СССР, также оказались в положении представителей диаспорных народов.

Вообще, этот комплекс явлений проливает дополнительный свет как на некоторые характерные черты нашей истории, так и на весь круг этнонациональных отношений в сегодняшнем мире.

Начиная не только со времен Петра Великого, но и даже с Никоновых церковных реформ, Россия не только страстно отстаивала свою “самобытность”¹⁰, но и не менее страстно перестраивала, переиначивала свой культурно-исторический лик.

Так что многие миллионы россиян, живущих за пределами своей исторической Родины — Российской Федерации — по всему земному шару, оказались в некоей двойственной идентичности: не только “державного”, но и диаспорного народа. И это диаспорное существование как бы “на два дома” в условиях нынешних оживленных и почти мгновенных транспортных и цифровых коммуникаций проливает дополнительный свет на всю сегодняшнюю подвижную архитектуру не только российской, но и глобальной жизни. Особенно наглядно эта жизнь “на два дома” просматривается на примерах кавказских диаспор на территориях Российской Федерации — диаспор, в сумме охватывающих миллионы людей [15].

Тяготы адаптации и вживания в новые условия социальных отношений и «культурной экологии» (термин, введенный в нашу литературу Д.С. Лихачевым) отчасти компенсируются интенсивными связями со своей прежней родиной. И притом — даже не только в первом поколении.

Это явление глобального и едва ли не повсеместного порядка.

ПРИОБРЕТЕНИЯ И ИЗДЕРЖКИ

Во всяком случае, сложные и травматические процессы диаспоризации в современном мире, приобретшие глобальный характер, едва ли разрешимы

⁷ По данным акад. В.А. Тишкова, в нынешней Российской Федерации мигранты обеспечивают 5–8% лишь *учетного* ВВП страны, тогда как их денежные переводы на родину не превышают 0.1% [13].

⁸ Авторам этой статьи лично приходилось наблюдать эти взаимосвязанные процессы депопуляции и мигрантского переселения депрессивных территорий в Тверской и Смоленской областях.

⁹ К настоящему времени круг людей в США, недвусмысленно идентифицирующих себя как “русские американцы” (от потомков Великой, то есть Белой, эмиграции до недавно натурализовавшихся молодых специалистов), перевалил за пять миллионов.

¹⁰ “Самобытность” — слово многозначное. Заглянем в словарь Даля: “Самобытный — сущий сам собою или от себя, своими силами. Говоря строго, *один Бог самобытен*, но зовут так в человеке самостоятельную личность и свойства его /.../” [14, с. 132].

чисто административными или запретительными путями. Общегуманитарные императивы сплетаются здесь с бизнес-интересами [16], стремления оградить идентичность и культуру принимающих стран сплетаются с нарастанием атактистических и ксенофобских страстей. Последнее обстоятельство сказывается на всей политической и институциональной структуре принимающих стран. Это, в частности, выражается в экспансии правопопулистских партий и движений. И подчас правопопулистские настроения — как на Западе, так и в странах бывшего “социалистического лагеря” — выступают как прямые душеприказчики прежних леворадикальных или “марксистско-ленинских” движений¹¹.

Что же касается новоприбывших (будь то из стран афро-азиатских ареалов и даже из ареала латиноамериканского), то среди носителей настроений фрустрации и яростного протеста обнаруживаются не только мигранты в первом поколении, но и представители молодежи “полторного поколения”. Это дети вчерашних мигрантов, появившиеся на свет на новой родине, усвоившие элементы европейского образования, однако во многих отношениях распаленные идеями антизападничества и мультикультурализма, то есть по существу — идеями взаимной отчужденности этнических складов и традиций в рамках единого гражданского общества [18].

Вообще, вопрос о глобальном идеологическом антизападничестве — трудный и теоретически малоизученный вопрос. Ограничимся в этом плане лишь одним наблюдением. *Внутренняя* интеллектуальная самокритика Западной цивилизации — от немецких романтиков (будь то Фридрих Шиллер или Карл Маркс) до нынешних постструктуралистов — легко преобразуется в упрощенную *внешнюю* критику (от Бакунина и Данилевского до нынешних исламистских сайтов). И эта упрощенная внешняя критика вновь возвращается на Запад в формах популярной публицистики, расхожих идей шоу-бизнеса или упрощенных идеологий тоталитарного толка.

В современной отечественной философской и культурологической мысли уже немало сказано о процессах и тенденциях идейного упрощения, а также о соответственной реархаизации сознания, общества, институтов (монографии А.С. Ахиезера, И.Н. Ионова, Ч.К. Ламажаа, Н.В. Мотрошиловой, А.А. Пелипенко, В.М. Хачатурян, И.Г. Яковенко и др.).

Весь этот комплекс явлений едва ли возможно понять вне их глубинно-исторической ретроспективы и без учета их уникально-современных предпосылок.

¹¹ Согласно данным 2017 г., антииммигрантски настроены 65% французов, тогда как в рабочем классе эта цифра поднимается до 77% [17]. Оно и понятно: в условиях массовых миграций конкуренция за рабочие места средней и низкой квалификации особо высока.

Два слова именно о ретроспективе. Современные диаспоры с Юга и Востока — носители не только иных цивилизационно-культурных традиций, но и иных форм стадильно-исторического опыта.

Действительно, этническая, религиозная, клановая или местническая вражда — “нормальный” удел любого традиционного общества. Здесь “нормальна” перманентная борьба за угоды, за контроль над торговыми и караванными путями, за доступ к воде, за преимущества в символической сфере (в частности, за контроль над святынями и за приоритеты святынь), за благоволение ближних и дальних князьков и царей, за внимание рыночных клиентов. И в конце концов — за “рынки” женщин, данников и рабов. В нынешнее же время эти традиционные формы групповой ненависти перенеслись в контексты современных урбанизированных, дисперсных, “диаспоризованных” обществ, да к тому же и во всеоружии современных коммуникационных, транспортных и финансовых технологий.

Однако вместе с “упразднением расстояний” и технологических барьеров в современных высококоразвитых обществах оказались во многих отношениях “упраздненными” и многие черты старой бюргерской европейской культуры, веками вынашивавшейся в мастерских, на торговых площадках, в муниципалитетах, судах, церковных приходах, в университетах, ученых обществах и библиотеках, в образованиях гильдейского типа...

Атомизация и десакрализация всего внутреннего опыта современного горожанина открывает дополнительные пути для насильнического неотрадиционализма в пространствах мегаполисов сегодняшнего дня. Во всяком случае, “синтезный” характер современных восточных (и шире — западных, включая и латиноамериканские) обществ, со свойственной этим обществам нестыковкой, несогласованностью социоэкономических укладов, институтов, ценностей, культурных ориентаций и т.д., переносится на земли былых экономических, политических и культурных метрополий. Эти процессы подробно рассматривались в трудах целой плеяды ученых ИМЭМО — Н.А. Симония, Г.Г. Дилигенского, К.Л. Майданика, Г.И. Мирского, И.В. Подберезского, И.С. Семененко, К.Г. Холдковского, М.А. Чешкова, В.Л. Шейниса и др.

Да к тому же — повторяем — перенос элементов традиционализма в контексты нынешних высококоразвитых обществ во многом опирается на широкий круг разнообразных современных технологий.

На роли современных технологий в этом обратном, инверсионном востоко-западном “синтезе” кратко остановимся особо.

Если прежние, компактные этнокультуры строились на нелегком, но все же живом повседневном

общении, на принципе “соседства”¹², то нынешние рассеянные, диаспорные этнические и религиозные культуры во многом строятся на обезличивающих, технологизированных экстерриториальных связях. Так что бывшие формы непосредственных локальных человеческих связей в рамках относительно замкнутых этноконфессиональных общин легко подменяются мобилизационными технологиями, так или иначе провоцирующими те или иные формы идеологического неистовства. И особенно — в тех случаях, когда новоприбывшая этнорелигиозная группа испытывает чувство отчуждения и ожесточения в отношении жителей принимающей страны, то есть реальных “соседей” и “ближних”. Этот надлом идентичности и связанное с ним заразительное самоутверждение в ненависти — *ressentiment* — становится не последней психологической предпосылкой бытового насилия и терроризма, включая внешне немотивированные преступления, наподобие нападений с ножами на случайных прохожих, преднамеренных автомобильных наездов на толпы пешеходов, битья стекол, поджогов и т.д.

Сегодняшний процесс “великого переселения” народов и личностей весьма и весьма много сложен.

В пользу высокоразвитых стран Нового Света (Канада, США, отчасти Аргентина и Чили), а также Израиля вымывается ценная часть человеческого и интеллектуального капитала ориентализируемой Европы [19]. Этот процесс частичной интеллектуальной депопуляции Европы в некоторой степени восполняется за счет выходцев из республик бывшего Советского Союза, Балканских государств, Индии. Во многих отношениях восполняется он и выходцами из стран Сино-иероглифического ареала с их почти неисчерпаемым, тысячелетним опытом слагавшимся креативным потенциалом (КНР, Тайвань, Япония, Южная Корея, Сингапур). Последнее обстоятельство наглядно ощущается теми, кто следит не только за научными публикациями, но и за музыкальной жизнью стран Запада: а ведь научная мысль и классическая музыка принадлежат к числу несомненных культурных сердцевин Европы. Интеллектуально-культурное богатство во многих отношениях “прирастает” усилиями интеллигентов-мигрантов, умеющих встроиться в местную культурную среду. На фоне этих явлений интеллектуально-культурная депопуляция и понижение культурных стандартов нынешней России выглядят особо тревожно...

ОБЪЕМ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Попытаемся подвести некоторый теоретический итог всему сказанному выше.

¹² Вспомним: в библейском дискурсе понятия “ближний” и “сосед” по существу синонимичны.

Противоречия между жесткими императивами современного развития и полуархаическими формами социальной и духовной организации пронизывают любой из ареалов нынешнего глобального мира во всех основных сферах человеческой жизнедеятельности и общественных отношений:

- социально-экономических (возрастающие показатели клановости, патернализма, мафиозности);
- юридико-политических;
- интеллектуально-культурных (возрастающие тенденции упрощения, идеологизации, заискивания перед культурным примитивом). Элементы шоу-бизнеса интенсивно проникают в области искусства, философствования, религии.

Было бы ошибкой связывать нарастание этих противоречий исключительно с Востоком/Югом. Этот комплекс нарастающих противоречий подкрепляется в ареалах Запада/Севера не только процессами массовых миграций и диаспоризации (“великого переселения народов” в эпоху высоких технологий), но и — не в последнюю очередь — процессами духовной люмпенизации в среде коренных народов высокоразвитых стран. В этих условиях популистские и фундаменталистские тенденции в этих странах набирают особо опасный оборот, ибо они противостоят по существу тем ценностям права и готовности к непрерывным историческим переменам — тем *традициям инновационного развития, инновационной истории*, которые и образуют основу европейской культуры. В самом наследии “Севера” — будь то собственно Запад, будь то драматически обновленная в прошлом столетии Япония, будь то народы России и Славянского ареала — активно действовали не только традиции преемственности и консерватизма, но и не менее мощные *традиции обновления*. Европейские во многих отношениях традиционные ценности и понятия персонализма и историзма в той или иной степени транслировались и продолжают транслироваться остальному миру [20]. Может быть, эти ценности и понятия дойдут и до какой-то части нынешних мигрантов...

* * *

Киркегор когда-то обосновывал мысль, что кризис — всегда тягостное, но непреложное состояние человеческой действительности: бескризисно лишь то, что перестало жить, что мертво [21]. Вся глобальная история — в том числе и история нынешних дней с их новым изданием “великого переселения народов” — есть история непрерывных кризисов и непрерывных исканий новых и нетривиальных жизненных путей. Нынешняя глобальная перетасовка и смешение культурно-исторических “карт”, культурно-исторических “кодов” есть одна из определяющих характеристик того, что

один из старых русских философов определил бы как “апокалипсис нашего времени”.

Однако, взглядыываясь в ретроспективу истории через наболевшие проблемы сегодняшнего дня, мы начинаем по-новому осмысливать и понимать свое собственное присутствие в этой самой глобальной истории, свою ответственность перед ней, свой уникальный статус наблюдателей и вольных или невольных участников мирового процесса. Воистину, если вспомнить Тютчева:

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...*

И в эти «минуты роковые» особенно важно сознавать, что каждый исторический кризис выдвигает новые проблемы и новые задачи. Во многом оказываются под вопросом те былые формы мышления и социальной организации, которые делают упор либо на крайний индивидуализм, либо на безусловный примат коллектива над личностью. И то же самое можно было бы сказать и о безоговороч-

ном культе прошлого (тем паче, что само прошлое – антагонистично и многозначно), равно как и о безоговорочном постулате начала жизни с чистого листа. Жизнь и мышление по этим старым шаблонам грозят нам – по словам протоиерея Александра Меня – “участью динозавров” [22, с. 222].

И последнее. На наш взгляд, особенно важно для интеллигенции принимающих государств без националистической гордыни и навязчивого “агит-пропа” изучать культурно-историческое наследие собственных стран и народов. Тем более что исторически сложившаяся идентичность принимающих народов, как правило, связана с осмыслением непрерывных “вызовов” истории, с непрерывными поисками внутренних трансформаций, с поисками гибкой преемственности своего существования [23]. И это – работа не только ради собственного блага, ради поддержания высокой статусной планки принимающих стран, но и ради блага мигрантов и их детей, которые так или иначе должны входить в будущие человеческие совокупности этих стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Мигранты – глобальная проблема современности*. [Migrants as a Global Contemporary Problem (In Russ.)] Available at: <http://mojuniver.net/migracii-globalnaya-problema-sovremennosti> (accessed 21.08.2017).
2. Toynbee A.J. *Zionism and Jewish Destiny. Palestine: A Search for Truth: Approaches to Arab-Israeli Conflict*. Washington, Public Affairs Press, 1970, pp. 268-277.
3. Алаев Л.Б. *Сельская община: “Роман, вставленный в историю”. Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе*. Москва, URSS, 2016. 480 с. [Alaev L.B. *Sel'skaya obshchina: “Roman, vstavlennyy v istoriyu”. Kriticheskii analiz teorii obshchiny, istoricheskikh svidetel'stv ee razvitiya i roli v stratifitsirovannom obshchestve* [Rural Community: A Novel Inserted into History. Critical Analysis of the Theories of Community, the Historical Evidence of its Development and Role in Stratified Society]. Moscow, URSS, 2016. 480 p.]
4. Дятлов В.И. *Программа спецкурса: “Торговые меньшинства” и проблемы “этнической экономики”*. [Dyatlov V.I. *Programma spetskursa: “Torgovye men'shinstva” i problemy “etnicheskoi ekonomiki”*] Available at: <http://klioidl.isu.ru/index.php/2010-10-29-00-23-29/8-1-140-1-r-1-r> (accessed 17.02.2018).
5. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. *Собр. соч., изд. 2. Т. 4*. Москва, Политиздат, 1955, сс. 419-495. [Marks K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoi partii* [Communist manifesto]. *Collected works, Vol. 4*. Moscow, Politizdat, 1955, pp. 419-495.]
6. Toynbee A.J. *Change and Habit. The Challenge of Our Time*. London, Oxford University Press, 1966. 240 p.
7. Yahya M. *Syrian Refuges: the People Who Want Four Things before They Go Home*. Available at: https://carnegie-mec.org/2018/04/10/syrian-refuges-people-who-want-four-things-before-they-go-home-pub-76029?utm_source=ctw&utm_medium=twitter (accessed 13.04.2018).
8. Сатановский Е.Я. *Котел с неприятностями. Ближний Восток для “чайников”*. Москва, ЛитРес, 2017. [Satanovskii E. Ya. *Kotel s nepriyatnostyami. Blizhnii Vostok dlya “chaynikov”*] [Troubling Boiler. Middle East for Ignoramus] Available at: <https://books.google.ru/books?id=t2tODgAAQBAJ&pg=PT45&dq=исламский+прозелитизм> (accessed 13.04.2018).
9. Behloul S.M. Migration als Ermögichung und Herausforderung für die Kirche. *Religion & Gesellschaft in Ost und West*, 2014, no. 9, ss. 3-4.
10. *Messaggio del Santo Padre Francesco per la celebrazione della LI Giornata mondiale della pace*. 1 genn. 2018. Available at: http://w2.vatican.va/content/francesco/messages/peace/documents/papa_francesco_20171113_messaggio_51giornatamondiale-pace2018.html (accessed 17.04.2018).
11. Феерчак А. *Расизм против белых в Университете Париж-8* [Feuertschak A. *Rasizm protiv belykh v Universitete Parizh-8* [Anti-White Racism in Paris-8 University]] Available at: <https://inosmi.ru/social/20180327/241807786.html> (accessed 01.04.2018).
12. Зотин А. *Тупиковая ветвь развития. Как технический прогресс остановил рост экономики в бедных странах*. [Zotin A. *Tupikovaya vetv' razvitiya. Kak tekhnicheskii progress ostanovil rost ekonomiki v bednykh stranakh* [The Dead-End Branch of Development. Technological Progress vs Economic Growth of the Poor Countries]] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3533278> (accessed 22.02.2018).

13. *Миграции – глобальная проблема современности*. [Mass Migrations as the Global Present-Day Problem (In Russ.)] Available at: <http://mojuniver.net/migracii-globalnaya-problema-sovremennosti> (accessed 21.08.2017).
14. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2 изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4. С.-Петербург, М.О. Вольф, 1882. 683 с. [Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Present-Day Used Russian Language]. 2nd ed., Emended and Enlarged according to the Author's Manuscript. Vol. 4. St. Petersburg, M.O. Wolf, 1882. 683 p.]
15. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. *Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс*. [Arutyunov S.A., Kozlov S.Ya. *Diaspory: skrytaya ugroza ili dopolnitel'nyi resurs* [Diasporas: Hidden Threat or Additional Resource of Development]] Available at: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (accessed 24.08.2014).
16. Lehne St. *The EU Remains Unprepared for the Next Migration Crisis*. Available at: <http://carnegieeurope.eu/publications/75965> (accessed 06.04.2018).
17. *L'immigration et l'islam demeurent des sujets clivant en France*. Available at: http://www.lemonde.fr/politique/article/2017/07/11/l-immigration-et-l-islam-demeurent-des-sujets-clivants-en-france_5154770_823448.html (accessed 06.04.2018).
18. Califano J.J., Gonzalez M. *Assimilation, not "Integration" Prevents Young Immigrants from Turning to Terrorism*. Available at: <http://nationalreview.com/article/445544/immigrants-terrorism-assimilation-not-integration-key-curbing-threat> (accessed 30.08.2017).
19. *Немцы массово покидают Германию*. [Germans Leave Germany en masse (In Russ.)] Available at: <https://news.rambler.ru/articles/35066233-nemtsy-massovo-pokidayut-germaniyu/?plista> (accessed 28.10.2016).
20. Рашковский Е.Б. *Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX-XX века*. Москва, Наука–ГРВЛ, 1990. 203 с. [Rashkovskii E. B. *Nauchnoe znanie, instituty nauki i intelligentsiya v stranakh Vostoka XIX-XX veka* [Scientific Knowledge, Institutions of Science and the Intellectuals in the East: 19th–20th Centuries]. Moscow, Nauka–GRVL, 1990. 203 p.]
21. Kierkegaard S. *Zur Psychologie der Sünde, der Bekehrung und des Glaubens*. Leipzig, Richter, 1890. LVI, 247 S.
22. Индивидуальное и массовое сознание. Материалы Вейнгартенского симпозиума. *Иностранная литература*, 1990, № 11, сс. 203–222. [Individual and Mass Consciousness. Materials of Weingarten Symposium. *Inostrannaya literatura*, 1990, no. 11, pp. 203–222 (In Russ.)]
23. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. Семенов И.С. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenov I.S., ed. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow, Ves' mir, 2017. 992 p.]

DIASPORAS IN THE CHANGING GLOBAL ARCHITECTONICS

(*World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 11, pp. 108–115)

Received 03.05.2018.

Boris E. RASHKOVSKII (borisevg@gmail.com),

Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature, 1, Nikoloyamskaya Str., Moscow 109189, Russian Federation.

Evgenii B. RASHKOVSKII (eug.rashkov@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

More than a half century ago, an outstanding English historian and political thinker Arnold Joseph Toynbee visualizing the future wrote that the previous world of separate and territorially limited civilizations would be gradually transformed into the world of plural, huge and universal diasporas of different ethnic, religious, cultural backgrounds. The growth and expansion of present-day migrations is one of decisive features of the Global World structure and dynamics. As an outcome of wars, hungers, ecological catastrophes, ethnical and religious conflicts, predominance of local dictatorships, etc., millions and millions of human beings willy-nilly have to forsake their native birthplaces in search of favorable existence conditions. These massive processes drastically modify the whole picture of universal social, political and cultural history. The former world of relatively isolated civilizations seems to be almost finished; old European notions of tolerance and civil society need some kind of reconsideration; Oriental or Semi-Oriental clan structures are intensively “exported” to the countries of the West as well as to the Slavic area. This complex of circumstances provokes new challenges of xenophobia and mass right wing populism. All old notions of homogenous nation-state as well as those of “multiculturalism” seem to be obsolete. Thus, one of important imperatives of the present-day diasporized world seems to be connected with the search for new forms of cultural and political thinking based on renovated philosophical and political outlook.

Keywords: diasporas, globalization, history, retrospective of history, identity, tolerance, civil society, xenophobia, populism, survival.

About authors:

Boris E. RASHKOVSKII, Candidate of History, Senior Researcher.

Evgenii B. RASHKOVSKII, Doctor of History, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-108-115